

K84
K78

Сергей Крапивин
Владислав Крапивин

ВЕРШИНИНЫ СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ

305197

СОБД № 10
Уддел Схвращения

*Памяти нашего отца —
очень мирного человека,
у которого учились будущие
снайперы*

Сергей Крапивин,
Владислав Крапивин

К 84
К 78

ВЕРШИНИНЫ

старший и младший

Повести

305197

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство. 1977

Областная детская
Библиотека
г. Свердловск

P2
K78

К $\frac{70803-074}{M 158(03)-77}$

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1977.

**АЛЫЕ
ПЕРЬЯ
СТРЕЛ**

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остроконечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры — на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба погрязла крепкой броней из бумаги и клейстера. Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

— Муй бьен, камарадос!

По-испански это приблизительно означало: «Все в порядке, ребята».

— Муй бьен,— согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся.

И увидел серые брезентовые сапоги.

Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

— Безобразничает...— не то спросил, не то просто сказал милиционер.

Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться — глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с унавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

— Ну, придется прогуляться,— сказал милиционер и почему-то вздохнул.— До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг — раз! — валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было немыслимо. Даже и не получилось бы.

— Идем,— сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо.— Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Вдали показалась вереница детсадовских малышек. Хоть бы не Лешкина группа! Не хватало еще, чтобы четырехлетний брат Лешка увидел, что случилось с его ненаглядным Митей! Слава богу, не они... Попадались навстречу малень-

кая девочка с жестяным бидоном — свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус — в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастный арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», — обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок, наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

— Шагай-шагай, — поторопил милиционер, — не крути головой. — Подумал и добавил: — А еще, наверно, пионер...

— Ну и что... — хмуро сказал Митька.

— Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь что.

— Сейчас каникулы. Мы уже все экзамены сдали.

— Ничего, разберемся. Как фамилия?

— Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

— Имя?

— Валерий.

— Где живешь?

— На Перекопской. Дом три, — сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

— Ладно, шагай, — снова сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу на кромку...

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

— Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

— Странно даже, — сказал милиционер. — Шли, разговаривали... И вдруг — бац! Ведь договаривались же: не драпать.

— Ну что вам от меня надо?! Что я такого сделал?! — с прорвавшимся отчаянием воскликнул Митька.

— А тумбу кто дырявил? Может быть, я? Ты.

— «Дырявил»! Одна малюсенькая дырочка! Залепят — вот и все.

— Если все будут по тумбам стрелять, что получится?

— Все не будут, — безнадежно сказал Митька.

— Рейку зачем оторвал от штакетника? Разве не хулиганство?

— Я ее только на минуточку. Я потом бы опять приделал.

— Врешь, — убежденно сказал милиционер.

«Вру», — подумал Митька и сказал:

— Ничутьточки.

— Всю траву, можно сказать, в газоне вытоптал...

— Траву? Да там чертополох один, только ноги ободрал. Во! — Для убедительности Митька ухватил себя за щиколотку и подтянул вверх ногу. Царапины были похожи на след кошачьих когтей.

Но милиционер не разжалобился.

— Не скачи. Больше не ускачешь.

Он взял Митьку за локоть.

— Пустите, — хмуро попросил Митька. — Я больше не побегу.

— Знаем мы это дело.

— Ну... честное пионерское, не побегу. Пустите. А то знакомые встретятся, скажут: ведут, как вора.

— Честное пионерское начал давать... А ты пионер? У тебя и галстука-то нет.

— Просто не надел сегодня. Ну вот я за значок берусь, он со звездочкой. Значит, не вру. Ну честное слово!

Митька ухватился за тяжелый значок «Ворошиловского стрелка» второй ступени, который оттягивал левый край матроски.

— Не считается это, — возразил милиционер. — Значок-то не твой.

— Не мой?!

— А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый «Ворошиловский стрелок»! Ты голову не морочь. Такой значок заработать — это не стрелы пулять, подвергая опасности прохожих.

— Во-первых, — сипловатым от обиды голосом сказал Митька, — никого я не подвергал. Во-вторых, значок все равно мой! Вот!

Ему часто не верили, и он привык, но сейчас обида

была сильная: схватил, ведет куда-то, насмехается да еще и не верит! Сам небось и стрелять не умеет как следует, хоть и нацепил кобуру с наганом.

Из нагрудного кармашка выхватил Митька сложенный вчетверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осавиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом). Отпечатанные на машинке слова отчетливо свидетельствовали, что «ученик пятого класса «Б» школы-десятилетки № 1 Дмитрий Вершинин выполнил норму...». Дмитрий Вершинин! А не...

Митькина рука остановилась в воздухе. Но милиционер выхватил из пальцев бумажку. И на лице его расцвела улыбка. Радостная, как у мальчишки, который выиграл спор.

— Я же говорил — не твой! Тут же не твоя фамилия!.. Пстой!.. — Лицо его опять стало спокойным, а потом строгим. — Ты Сидоров или Вершинин?

— Вершинин, — тихо сказал Митька и стал смотреть в сторону.

Они помолчали несколько секунд.

— Нехорошо, гражданин Вершинин, — задумчиво заговорил милиционер. — Чужая фамилия. Попытка к бегству...

«Издевается», — понял Митька.

Милиционер оторвал глаза от документа и пристально глянул на Митьку.

— А кто у тебя отец?

— Учитель.

— В первой школе?

— В первой...

— Петр Михайлович?

— Ага, — безнадежно сказал Митька. Он не удивился: отца в городе знали многие.

Все еще разглядывая бумажку, милиционер двинулся по тротуару. Видно, случайно он изменил направление и шагал теперь обратно, к улице Герцена.

Митька побрел следом: теперь все равно не убежишь. Найдут.

— Я ведь тоже в первой школе учился, — сказал милиционер. — У твоего отца, между прочим. Хороший учитель.

Надежда на спасение ярким огоньком засветилась перед Митькой.

— Да? — вроде бы удивился он. — Я вас не помню.

— Ну а как ты можешь помнить? Я к вам домой не ходил. Да ты тогда совсем пацаненок был. Я в тридцать первом седьмой класс закончил. Потом работать пошел.

— Я по фотографиям почти всех помню, — бессовестно соврал Митька. — У папы есть фотоснимки всех классов, которые он учил. Может, вы непохожи тогда были? Ваша как фамилия?

— Жарников моя фамилия.

— А зовут вас... Матвей?

— Точно! Вспомнил?

— Угу... — сдержанно откликнулся Митька. Взгляд его стал веселым, а шаг — пружинистым. Все-таки ему везет!

— Вот видишь, — наставительно заговорил Матвей Жарников, — мы с тобой, выходит, знакомые. Как-то неловко получается. Вот пришел бы я сейчас с тобой к твоему отцу, рассказал бы про все... Что он подумал бы?

— Ну, что... — начал Митька, стараясь точнее рассчитать удар. — Он сказал бы: «Здравствуйте, Жарников, рад вас видеть». Сказал бы: «Как поживаете? Не делаете больше механизмов, чтобы школьные скелеты махали руками, пускали дым из глаз и кукарекали? Не доводите больше учителей до обморока? Это похвально».

— Ч-черт возьми... — произнес Матвей и свернутым Митькиным удостоверением почесал кончик носа. — Все еще помнит?

— Он мне про это раз десять рассказывал.

— Да-а... Ну, я тогда маленький был.

— В шестом классе, — беспощадно уточнил Митька.

— Пить что-то хочется, — сказал Жарников. — Вон там вроде клюквенный морс продают, киоск открыт. Пойдем?

— Можно... Хотя нет. У меня ни копейки...

— Ладно уж. Возьми-ка свой документ.

Потом, когда они у голубой будки глотали теплый и довольно противный морс, Матвей спросил:

— А все-таки чего тебе приспичило в тумбу стрелять? Ну нарисовал бы на заборе мишень, где-нибудь подальше от глаз, да пулял бы.

— Дак это целая история, — сказал Митька. — Долго рассказывать. Если все по порядку говорить, то даже

не знаю, с чего начать... Есть у нас в школе немка Адель Францевна. Ты ее... То есть вы ее, наверно, знаете...

Ух и шумная была история!

Она случилась в середине мая. Полкласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому. Ну, сами понимаете, на дворе уже полное лето, а тут сиди и зубри, как два балбеса — Петер унд Отто — шпацирен в лесу унд баден в речке. Мальчишки из пятого «Б» предпочитали сами шпацирен и баден, хотя вода была еще зверски холодная.

Но Адель Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила «неудами» и переэкзаменовками. Она требовала прилежания и порядка.

Надо было оттянуть беду. И в самом начале урока маленький, симпатичный и очень вежливый редактор отрядной стенгазеты Павлик Шагренев спросил у Адели Францевны, понравилась ли ей пьеса «Приключения Карла Бруннера».

— М-м? — удивилась Адель Францевна. — Ах, ты имеешь в виду эту постановку... Ну конечно, вам она должна нравиться. Но когда вы повзрослеете и станете смотреть на вещи более взыскательно, то поймете, что это совсем не блестяще.

— А почему? — задиристо спросил с места Митька.

— Слишком много пафоса и весьма недостаточно мастерства. Я говорю об игре исполнителей. Вы меня понимаете?

— Вполне, — сказал Павлик. — Только... Вот всем нам кажется, что игра не такая уж плохая. Наоборот. Вот помните баронессу? Как она...

— Да-да, — снисходительно согласилась немка. — Эта дама играет действительно несколько лучше остальных.

— А Карл?! — воскликнул Митька. Он по правде обиделся и разозлился. Будто его самого задели.

Адель Францевна устремила на Митьку свое пенсне.

— Ты говоришь о мальчишке, исполнявшем роль Бруннера? Ну, что же, он достаточно мил... Но это просто мальчик, а не актер. Он ведет себя так, словно все это происходит у нас в городе, а не в Германии. А там иной уклад жизни, иные обычаи и мальчишки тоже другие.

— Какие это они другие? — недовольно спросил с задней парты похожий на сердитого скворца Игорь Цыпин (по прозвищу Цыпа). — Что, там у ихних пацанов уши на затылке растут, что ли?

— Цы-пин!.. — возмущенно выдохнула Адель Францевна.

— Извините, это он нечаянно, — торопливо заговорил Павлик Шагреньев, а бестолковому Цыпе показал за спиной кулак. — Но нам всем непонятно... Конечно, у капиталистов дети не такие, как мы. А у рабочих?

— Они такие же пионеры, — агрессивно сказал Митька.

— Ну безусловно. Я имею в виду не классовые различия, а некоторые особенности... Впрочем, это сложно для вас. Я только хочу сказать, что для этого мальчика полезнее было бы не играть на сцене, а без пропусков занятий учиться в школе. Театр отвлекает его от учебного процесса.

— А может, он отличник, — опять не выдержал Митька.

— Возможно. По крайней мере, я уверена, что с немецким языком у него все в порядке. К сожалению, про вас этого не скажешь. И потому пусть Цыпин выйдет к доске и переведет первые пять строчек текста, который был задан.

Цыпа шумно вздохнул и пошел навстречу неизбежности.

Вторым она вызвала Вершинина.

— Можно, я лучше стихотворение Гёте по-немецки прочитаю? — безнадежно спросил Митька.

— Конечно, можно, мы все послушаем с удовольствием. Только после того, как сделаешь заданный перевод.

После Митьки схлопотали «неуды» еще шесть человек.

У Адель Францевны от возмущения тряслись на висках рыжеватые булки прически.

— Елки зеленые, — шепотом сказал Митьке Виталька Логинов и от переживания вцепился в свой белобрысый чуб. — Как по заказу: почти все из нашего звена.

— Потому что самые лодыри, — тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди Митьки.

— Насчет лодырей на перемене поговорим, — пообещал Вершинин.

— Очень испугалась!

Всю оставшуюся часть урока Адель Францевна говорила о том, как пагубны лень и легкомыслие. Наконец она велела всем, кто получил «неуды», остаться после занятий и удалилась, держа указку как рапиру.

Они остались. Но в их душах кипело негодование.

— Теперь три часа будет мучить,— сказал Цыпа и пнул парту. Старая парта крякнула.

— Это она нарочно «неудов» навтыкала,— мрачно сообщил Митька.— Из-за пьесы разозлилась. Потому что мы Карла стали защищать.

— Она, между прочим, сама на ту баронессу похожа,— вдруг заявил Сергей Иванов, человек молчаливый и сосредоточенный. Он говорил всегда немного, но умно и безошибочно. К его словам следовало прислушаться.

— А правда!— подхватил Виталька.— Такая же худая и старая. И вредная. Только не со стеклом в глазу, а с очками.

— Пенсне,— сказал Павлик.

— Какая разница!

— По-моему, она шпионка,— сказал Цыпа. Он был сердит больше всех: папаша часто лупил его за «неуды».

— Ну-у, Цыпа!— Виталька от удивления замотал чубом.— Ну, ты сказал! Она на шпионку похожа, как ты на отличника.

Цыпа молча поддернул длинные, сморщенные на коленях штаны и влез на учительский табурет.

— Дурак ты, а не звеньевой,— сказал он Витальке с высоты. И как с трибуны обратился к остальным:— Шпионы разве бывают похожи на шпионов? Их бы тогда сразу всех переловили. Шпионов как узнают? Потому что они вредят. А она разве не вредит? Вот она оставила нас после уроков, а Пашка в авиационный кружок опаздывает. Он, может, хочет истребителем стать, а как он станет, если ему не дают в кружок дить?

Павлик Шагренов, который до сих пор не помышлял о профессии истребителя, подтянулся и стал поправлять под ремнем рубашку.

— А я?!— завопил Митька.— У меня в два часа стрелковая тренировка! Завтра соревнования! Мне на «Ворошиловского стрелка» сдавать!

Он стукнул кулаком по левому карману матроски, на который собирался привинтить значок.

— Во! Я же говорю! — воскликнул Цыпа и возмущенно завертел тонкой коричневой шеей.

Трах! В класс влетела Валька Голдина. Захлопнула дверь и вцепилась в ручку. Обернулась и свистящим шепотом сообщила:

— Гонятся!

Дверь задергали.

— Отпусти, — велел Сергей Иванов. — А сама иди сюда.

Дверь распахнулась. На пороге возник похожий на третьеклассника-отличника Толька Репин, председатель совета отряда пятого «А». По определению Сереги Иванова — «маленький, а вредный».

— Ага! Вся компания! — ехидно сказал Репин. — Знает, куда бежать...

— Чего надо? — сухо вато спросил звеньевой Логинов.

— Вот ее надо. — Толька подбородком указал на Валентину. У него за спиной сопели два здоровых телохранителя.

— У нас сбор звена, — сказал Виталька.

— А у нас сбор отряда. Чего она со сбора отряда бегаёт?

— Сбор на тему «Об итогах четвертой четверти и о подготовке и успешной сдаче годовых экзаменов»... — нудным голосом продекламировал Павлик.

— Не твое дело, — сказал Репин.

— Не его, не его, — согласился Митька. — И не Валькино. Она в нашем звене. Значит, в нашем отряде! Пора бы понять!

— Как это в вашем? Она в нашем классе учится!

— Одно дело — класс, а другое — отряд! Она с нами в одном дворе живет! С малых лет, с самых детсадовских! Мы проголосовали, чтоб в нашем звене!

— А мы у СПВ спрашивали! Она говорит, что так нельзя!

— СПВ говорит?! — взревел Виталька. — А она у нас спрашивала? Она сама ничего не знает и даже не разбирается!

«СПВ» — старшая пионервожатая — не была для Витальки авторитетом. Она пришла в школу месяц назад и, судя по всему, не собиралась задерживаться.

А спор о Валентине был далеко не первый. Она еще осенью объявила, что хочет быть в звене с теми, с кем у нее «разные полезные дела, а не всякие проработки про успеваемость». «Полезные дела» у нее были с Митькой, Виталькой, Серегой и прочей компанией. Пятый «А» запротестовал. Из принципа. А Виталькино звено дружно проголосовало «за».

— Она им нужна, чтобы процент успеваемости поднимать,— пустил шпильку Павлик Шагренев.

— Нам такой процент тоже не лишней,— сказал с табурета Цыпа.

— Завтра приходи только в класс!— пообещал председатель пятого «А».— Поговорим...

— Я с тобой и сегодня могу поговорить. На улице,— сказала Валентина. Худая, длинная, темноволосая, сердитая, она выглядела сейчас грозно.

Противник удалился.

— Ух...— сказала Валька.— Ну хорошо, что вы тут. А то не знала, куда бежать... А почему не сказали, что сбор?— Она неласково взглянула на Витальку.

— Да какой сбор... Так сидим.

— Разговариваем,— объяснил Серега Иванов.— Про баронессу Адель фон Неуд.

— А-а, после уроков оставила! И вы сидите? Ну и олухи!

— Вообще-то мне некогда. У меня тренировка,— сказал Митька...

Спать Митька лег пораньше. На всякий случай. И правильно. Отец, вернувшись из школы, спросил:

— Где этот пар-ршивец?

— Что случилось?— захлопотала мама.— Только, пожалуйста, не нервничай. Опять «неуд»?

— Мало того! Их, голубчиков, оставили заниматься после уроков. Адель Францевна тратит время, чтобы вытянуть этим балбесам приличные оценки, а эти... эти... Она идет в класс, а дверь заперта! Изнутри! Как потом выясняется, ножкой от табуретки. В классе — никого, окно открыто. Но мало и этого! На двери мелом написано: «Но пасаран!» Эти лодыри решили лень свою и безобразия прикрыть республиканскими лозунгами!

Митька в своей постели начал дышать глубоко и ровно. В этом было единственное спасение.

— Не шуми, он спит,— осторожно сказала мама.

— Плевать!— сказал отец, известный в городе преподаватель русского языка и литературы.— Да-да! Плевать! Где мой ремень?

— Ты с ума сошел!

— Нет! Я не сошел с ума! Пусть! Пусть это будет крушением всех моих педагогических принципов, но я этого паршивца... Где ремень?

— Какой ремень? Ты всю жизнь ходишь в подтяжках.

— Не-ет. У меня был. Я в нем ездил на рыбалку.

Митька ровно дышал. Крушения педагогических принципов можно было не бояться: отцовский ремень он давно пустил на обмотку лука. Но что будет завтра?

Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступала классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы. Да-да, нечего удивляться! То, что натворили эти семь человек, не простое хулиганство, а... Даже слов нет! Ведь не маленькие! Вон многие уже в длинных брюках ходят, взрослые прически устраивают, а в голове что?

Митька напряженно смотрел в окно и думал о своем. Из школы, он знал, не выгонят, высказывание о брюках и прическах его не касалось, а в голове у него было вот что: «Не вспомнили бы только, что сегодня соревнования!» А то придет он в тир и услышит от военрука: «Ничего не могу поделать. Приказ директора — не допускать». Конечно, он тоже будет огорчен: Митька у него в кружке самый маленький, но самый способный. А что делать? Приказ есть приказ. Военрук — человек военный.

Вообще-то он славный дядька. Недавно принес в кружок новую «малопульку» ТОЗ-8. Не «семерку», а «восьмерку». У нее прицел совсем другой: поставлен намушник. Черное яблоко мишени легче просматривается, словно само садится на мушку. И спуск мягче. Митьке военрук первому дал ее попробовать. Три патрона. Митька сразу выколотил двадцать девять очков.

Жаль только, что мало военрук дает стрелять. Да еще, прежде чем допустить к винтовкам, целый час рассказывает об иприте и фосгене, потом в противогазе гоняет. А в тир — напоследок.

Кроме того, еще полчаса лазают ребята по тире на коленях и собирают гильзы, потому что каждый патрон у военрука на учете, и, если гильза не нашлась, он ругается. Говорит, что не сможет отчитаться.

Военрука старшеклассники прозвали «генерал Скобелев». Никакой он не генерал, конечно, и даже не Скобелев, а младший политрук Кобелев Степан Васильевич. На свою беду он однажды в школьной стенгазете поместил заметку «Почему в кружках ПВХО и ВС мало девочек?» и подписался: «С. Кобелев». Один десятиклассник ядовито заметил:

— Тоже мне, Скобелев. Генерал на белом коне.

Десятиклассника потом чистили на комсомольском собрании, но прозвище к военруку прилипло намертво.

Младшие ребята любили «генерала». Он вместе с ними самозабвенно ползал по школьному подвалу, где расположен был тир. Выскивал затерявшиеся стреляные гильзы, протирая на коленях свои шикарные диагоналевые галифе, и уговаривал:

— Товарищи, найдите еще четыре штуки. Мне же их сдавать...

В тире после недавних выстрелов попахивало порохом, и этот вдохновляющий запах заставлял ребят тоже ползать. В надежде, что Степан Васильевич даст пальнуть еще по разику. И такое случалось: облегченно вздохнув, военрук засовывал найденные гильзы в пустую коробочку, а из другой доставал патроны.

— В порядке поощрения, — официально произносил «генерал Скобелев», отряхивая свои диагоналевые колени...

От мыслей о военруке Митьку отвлек голос директора:

— Речь идет не о наказании! Вернее, не только о наказании. Я хочу, чтобы вы поняли, очень хочу...

Директор Андрей Алексеевич был добрый человек. Сразу было видно, что он добрый: невысокий, полный, с очень круглым, улыбчивым лицом. Как мистер Пиквик. Иногда он сердился и пытался быть строгим, но получалось это у него плохо. Учителя знали, что пугать директором бесполезно даже первоклассников. И пугали завучем, Сергеем Осиповичем. Но завуча сегодня, к счастью, не было.

— Вы обидели, — продолжал директор, — Адель Францевну. Очень обидели. Она работает в нашей школе восемнадцать лет, а вы... Да, она строга. Но когда вы станете

старше, вы поймете, что строгость — это тоже доброта... Кроме того, вы обидели тех, кто сражается в Испании. Да, не спорьте. Вы ради озорства написали лозунг бойцов, которые сражаются с фашистами. Что скажут испанские ребята, когда узнают об этом случае?

— Они не узнают, — успокоил Павлик Шагренов.

— Почему ты уверен? Шесть испанских мальчиков приедут на днях в наш город. Они будут жить у нас, пока там война. А учиться будут в нашей школе, потому что...

Добрый Андрей Алексеевич никак не ожидал того, что случилось. Ведь он просто хотел доказать Шагренову его неправоту. И оглушительно взорвавшееся «ура» буквально отбросило директора от стола к доске.

— Что такое? — сопротивлялся он. — Я не... В самом деле... При чем здесь «ура»? Я не понимаю... Когда в городе узнают про этот случай, их отправят в другую школу.

— А вы не говорите! — вопил Цыпа, вытягивая из свитера птичью шею. — Мы больше не будем!

— Мы перед Адель Францевной хоть сто раз извинимся!

— Это у нас случайно!

— Потому что она за баронессу заступалась. А не потому, что «неуды»!

— Мы извинимся!

— Они извинятся, Андрей Алексеевич! Мы им еще сами напинаем.

— Я тебе напинаю!

— А ты молчи!..

Директор махал руками, словно отбиваясь от пчел. Наконец Вера Георгиевна вытянула указкой по столу так, что из щелей взвилась пыль. Стало тихо.

— Я не понимаю... — начал Андрей Алексеевич. — То есть я все понимаю, но почему такой шум? И при чем здесь какая-то баронесса?

Эмма Каранкевич ехидно оглянулась на Митьку.

— Это они, Андрей Алексеевич, из-за пьесы спорили. Вершинин воображает, что он на Карла Бруннера похож. А Адель Францевна правильно говорит, что...

— Я воображаю?! — взвился Митька. — Ты лучше помалкивай! Сейчас не пионерский сбор, а классное собрание. Верно ведь, Андрей Алексеевич?

— Ну почему же, почему же... Можно и сбор в то же время. Я не вижу, почему бы пионерскому начальству не высказаться.

— А если сбор, пусть Вальку Голдину позовут, она в нашем звене,— вмешался Виталька Логинов, почувявший, что гроза слегка развеялась.

— Что еще за новости! — возмутилась Вера Георгиевна.— Опять вы об этом? Андрей Алексеевич, они вбили себе в голову, что Валя Голдина из пятого «А» должна быть непременно в их звене. Объясните им, пожалуйста, что это абсурд.

Она замолчала, чтобы передохнуть, а вежливый Павлик Шагренев поднял руку и встал.

— Вовсе не абсурд, Андрей Алексеевич. Голдина всегда с нами. Мы даже в один детский сад ходили. У нас все дела вместе и зимой и летом.

— Вроде вчерашнего,— встала Вера Георгиевна.

— Нет, не вроде,— бесстрашно отрубил Павлик.— У нас хорошие всякие дела. Голдина помогала Иванову по арифметике исправляться. И вообще.

— Ну... я не знаю.— Директор развел руками.— Это какие-то тонкости пионерской работы. По-моему... А впрочем, Вера Георгиевна, есть простой выход. Раз уж они так хотят быть вместе, давайте в будущем году переведем Голдину в «Б». Это несложно.

Нельзя сказать, что Вера Георгиевна засияла от восторга. Но класс опять гаркнул «ура», кричало главным образом Виталькино звено.

— Ну-ну, голубчики,— сказал директор.— «Ура» — это хорошо, но по выговору вы получите. Учтите.

— Правильно, Андрей Алексеевич! — в припадке самокритики воскликнул Витальна.— Даже по строгому!

— Это уж, дорогой мой, без вас решат... Идемте, Вера Георгиевна, сейчас перемена.

Едва они скрылись за дверью, Цыпа вскочил на парту и сделал страшное лицо:

— Ти-хо, вы...

Класс замер. И слышно стало, как директор за дверью оправдывается:

— Ну что вы, любезнейшая Вера Георгиевна, ничуть я не потворствую... То есть я потворствую, но только в хорошем смысле. А что касается вчерашнего, то я уверен: они поняли и вполне...

В общем, все кончилось «вполне». Для всех, кроме Митьки. Митьку же дома поставили в угол. Как напроказившего дошкольника. Даже хуже, чем дошкольника. Лешку, например, отец никогда в угол не ставил.

Митька стоял, прислонившись затылком к штукатурке, и разглядывал спину отца. Отец сидел в полосатой рубашке и перекрестье подтяжек. Он сидел у стола и проверял тетради. В Митькиной голове крутилась неизвестно откуда взявшаяся фраза: «Целься в скрещение подтяжек на спине противника».

Но отец не был в полном смысле противником, и ковбойские методы здесь не годились. Нужна была дипломатия.

— В конце концов,— сказал Митька,— это непедагогично.

— Тоже мне Песталоцци,— откликнулся отец.— Выдери, тогда узнаешь.

— Что я, маленький — в углу стоять?

— Нет,— сказал отец, черкая пером с красными чернилами.— Не маленький. Маленькие стоят час или два. А ты будешь до самого вечера.

— Не могу я до вечера,— осторожно объяснил Митька.— Что ты, папа. У меня же в четыре часа соревнования.

— Вот как?— иронично спросил отец.

— Ну я же команду подведу,— шепотом сказал Митька.

— Не ври. У вас личные соревнования. Сдача норм. Степан Васильевич мне говорил... Кстати, я очень жалею, что упросил его взять тебя в кружок. На пользу тебе это не пошло.

Отец действительно просил за Митьку «генерала Скобелева», потому что пятиклассников в кружок ВС не брали. И это был единственный случай, когда Митька извлек выгоду из служебного положения отца. Но ведь он не подвел ни отца, ни военрука! Он же ничуть не хуже старшеклассников!

— Почему ты говоришь, что не пошло на пользу? — обиженно спросил Митька.

— Потому что у тебя все мысли только о стрельбе. Кто много думает об удовольствиях, забывает о делах.

— Стрельба, по-твоему, удовольствие?— спросил Митька.— Стрельба — необходимость.

Он, словно опытный фехтовальщик, воспользовался промахом противника. И наносил удары отточенными фразами:

— Если мы не будем уметь стрелять, что делать, когда нападут фашисты? Будем говорить им по-немецки: «Простите, господа, мы не умеем, мы в углу простояли и не научились!»

— Ты демагог! — сказал отец.

— Ни капельки! Нам генерал... То есть военрук, говорит, что мы укрепляем обороноспособность!

Отец закрыл очередную тетрадь и заметил, что если обороноспособность будет возложена на таких шалопаев, то на будущее он не надеется.

— А почему тогда у нас в тире написано: «Каждый новый ворошиловский стрелок — удар по фашизму»?

— А там не написано: «Каждый хулиган и неуч — удар по нам»?

— А... — начал Митька и заплакал.

Обида прорвалась слезами в одну секунду, и остановить их не было никакой возможности. Митька начал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он сдернул серебристый значок-зажим, скреплявший галстук на узле, и широким красным углом стал размазывать слезы по щекам.

Отец удивленно обернулся. Сын его был совсем непохож на сурового снайпера, ворошиловского стрелка и грозу фашистов всех мастей. Это был просто маленький Митька, с зареванным лицом, лохматый, в мятом магросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях. Отцу стало жаль его, и он поступил непедагогично — сказал:

— Убирайся.

Норму Митька выбил. Но значок выдали не сразу, а только через три недели, когда пятиклассники сдали экзамены и на торжественном собрании получили табели.

Вечером того же дня Митька созвал в штабе друзей.

О штабе надо рассказать по порядку.

Он располагался в сарае. Сарай был полуторазэтажный. Внизу — дровяники, курятник скандальной соседки Василисы Тимофеевны и коза семейства Голдиных. Наверху — сеновал. В центральном отсеке сеновала оборудован

был штаб «БП». За кучами сенной трухи и мусора пряталась фанерная будка. Называлась она «шатер». На стенах шатра висели луки и колчаны, портреты Вильгельма Телля и Робин Гуда, а также бумажные мишени, в центре которых торчали белооперенные стрелы.

Вот поэтому и «БП» — белые перья.

Год назад Митька прочитал роман Конан-Дойля «Сэр Найгель».

В «Сэре Найгеле» из луков стреляли научно. Вымеряли направление и силу ветра. Для оперений брали перья не степных, а только горных орлов. Преимущественно светлые. Прославленных лучников герцог награждал белокрылыми стрелами. Например, за то, что они с расстояния в сто ярдов могли перебить трос флагаштока на вражеской крепости. Знамя падало, рыцари бросались на приступ. Крепость сдавалась.

В отряд «БП» вошли сначала четверо: Митька, Сергей Иванов, Виталька Логинов и Цыпа. Затем поведали тайну Павлику Шагреневу, который бесподобно рисовал зверей и фашистов, необходимых для мишеней.

В скором времени Митька обнаружил у своего соседа по квартире третьеклассника Вовки Шадрина удивительную книгу «Русские лучники. Изъ истории вооружения российской армии отъ Владимира Светлаго до Ивана IV Грознаго. Санкт-Петербургъ. 1898. Дозволено цензурою». Книга была до отказа набита картинками, а устройство луков и стрел описывалось так подробно, что Митька тут же изъял находку у Вовки.

Вовка заревел. Он ссылаясь на то, что взял древнюю книгу из шкафа у деда. Дед был отставной преподаватель истории, довольно вредный старик, это Митька знал. Пришлось принять в отряд и Вовку Шадрина.

Но в общем-то и санкт-петербургская инструкция не давала практических советов, как самому сделать настоящий лук и стрелы. Приходилось туго. Не было, например, бука. Ветки с могучих тополей росших во дворе, не годились. Пришлось добывать черемуху и бамбук. А для тетив явно не хватало бараньих кишок и воловьих жил. Правда, внизу, под сеновалом, жила голдинская коза, но еще неизвестно, когда ее зарежут. Спросили об этом у Вальки. Она ответила в том смысле, что не обязана думать о нуждах «Белых перьев», поскольку в отряде не состоит.

Приняли и Валентину.

Сразу стало легче делать стрелы. До сих пор не хватало перьев, особенно белых, а сейчас вопрос решился. Валентина на правах девочки была вхожа в курятник Василисы Тимофеевны: «Можно, я курочек покормлю? Можно мне цыпляток посмотреть?» — «Сходи, милая, возьми ключ. Аккуратно только».

В курятнике жил белоснежный петух. Бывал, конечно, он и на дворе, но при приближении Митьки, Сережки или Цыпы он мчался к дыре под дверью курятника.

— Называется рефлекс, — мрачно говорил Митька.

Вальке дали задание добыть оснастку для стрел. И в тот же день она доставила в штаб шесть дивных перьев: два хвостовых и четыре из крыльев.

— Маховые — они лучше, — поблагодарил Митька. — Орал?

— А ты слышал? — озлилась Валентина.

— Не...

— Я его башкой в мешочек с пшеном. Он допает, а я дергаю. Только лапами царапался.

Митька уважительно покосился на Валькины запястья...

Петух возненавидел Валентину больше, чем ребят. И за зиму эта ненависть не прошла. От Вальки он не прятался в курятник, а мчался к дому, взлетал на уровень второго этажа и усаживался на карниз одного из окон Василисы Тимофеевны. Оттуда он даже не орал, а как-то непонятно хрипел на Вальку.

Василиса распахивала окно и принималась оглаживать поредевший мундир любимца.

— Кто тебя, Петенька, обидел? Кто?

Петенька пытался показать оранжевым глазом на Вальку, но та уже сидела на заборе, вне Василисиной видимости.

В последний рейд за перьями выпало отправляться Сереге. Митька предупредил, что ради операции придется разобрать чердачное перекрытие. Серега сказал:

— Сделаем.

Работать он любил. Саперной лопаткой он вскрыл верхний слой. Сенная труха, песок, опилки, снова песок. Бревно. Толстое, но трухлявое. Поддалось обыкновенной ножовке. Выпиленный кусок бревна Серега отнес в шатер: сидеть на нем будет удобно.

Сразу под бревном обнаружилась фанера: это уже была потолочная обшивка курятника. Серега раздолбал ее

пяткой и поглядел вниз. Куры, на которых свалились обломки фанеры, кудахтали почти стихотворно: «Куд-куда? Вы откуда, вы куда?»

А петуха не было. Наверное, гулял во дворе. Серега решил подождать. И дождался. Петух был доставлен в курятник на руках Василисы Тимофеевны. Он томно склонял гребень на рукав хозяйки, а она потерянно лопотала:

— Прости меня, Петенька, дуру старую, что обкорила. Сиди тут и выздоравливай. Сиди, милый...

Сверху Сереге был виден только волосяной кукиш на затылке Василисы Тимофеевны. Кукиш скорбно покачивался. Потом он исчез за дверью курятника.

«Черта с два выживет, — решил Серега, увидев, как петух после ухода хозяйки опрокинулся на спину и замаhal лапами на приблизившихся кур. — Не иначе гречневой крупы обожрался. А в ней железо».

Серега еще два раза ударил пятками, и дыра в фанере превратилась в люк. Серега нырнул в курятник.

Курицы разбежались, и петух остался один на один с Серегой. Вредные Петькины глаза задернулись пленкой. Когтистые лапы чуть подергивались. Агония. Сереге стало очень жаль петуха. В конце концов, он был храбрый и хороший: умел постоять за себя. А сейчас его выбросят. В лучшем случае Василиса закопает его за помойкой.

Перьям-то не пропадать!

Серега взялся за хвост. Петух заорал почти человеческим голосом и так внезапно, что Серега кинулся не к люку, а к двери курятника. И столкнулся с Василисой Тимофеевной. Оказывается, она далеко не уходила.

Услышав петушиный вопль, она рванулась к двери, и Серега угодил ей головой в «поддых». Василиса Тимофеевна сама закудаhtала. Серега без памяти взлетел на сеновал.

Вечером Василиса Тимофеевна донесла на Серегу отцу. Старший Иванов — механик судоремонтных мастерских, человек молчаливый и решительный — за ухо отвел Серегу к Василисе и велел извиняться.

А за что? Если бы перед петухом, тогда еще понятно. А почему перед Василисой? Не из нее же он перья дергал. Напрасно Серега уверял, что вины его нет, что нервная встряска пошла петуху только на пользу: он ожил.

Пришлось просить прощенья. Эта унижительная процедура доконала Серегу, и он заявил:

— Чтоб они сгорели, эти стрелы! Одни неприятности. Хватит.

Его неожиданно поддержал Вовка Шадрин. Он заявил, что лучше взять на вооружение рогатки: они удобнее и незаметнее.

Тогда Митька не принял разговор всерьез, хватало других забот: конец учебного года, экзамены. Но вот экзамены кончились, а никто не вспоминал, что надо возобновлять деятельность отряда.

Была, по правде говоря, еще одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком.

Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени.

Мальчишки щупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал:

— Хорошо, когда папаша в школе работает. Если б у меня работал, я бы тоже...

— Папаша мне, что ли, норму выбивал? — разозлился Митька.

— А записал кто?

— Ладно вам, — сказал Виталька. — Ругаться собрались?

Настоящего командира в отряде «БП» не было. Командовали как получится. Иногда — Виталька, потому что звеньевой, а в «БП» все из одного звена (кроме Вовки, которого приняли условно). Иногда — Серега, потому что самый серьезный. Иногда — Митька, потому что в оружии разбирался лучше других. Случалось, что и Валька командовала, потому что девчонка, а с девчонками спорить бесполезно.

— Давайте о делах говорить, — сердито предложил Митька.

— Не все еще пришли. Вовки нет, — сказал Виталька.

— Да ну его! Всегда опаздывает... А, вот он!

На лесенке застучали подошвы, зашатался пол, и в дверном проеме «шатра» возник Вовка.

— Хорош, — сказала Валентина.

— Каррамба! — сказал Цыпа (он считал себя похожим на испанца, хотя в самом деле походил на черную курицу).

Вовка был достоин таких возгласов. Запыленный, он был и встрепанный, рубашка выбилась из штанов, которые держались на одной лямке (вторая, оборванная, была запихана в карман), в курчавой голове торчала солома.

— Мировецкий вид, — сказал Серега. — Волки за тобой гнались?

— Корова... — выдохнул Вовка.

— Корова гналась?!

— Корова здесь будет жить, — отчаянным шепотом сообщил Вовка. — Ясно вам? Сидите тут, заседаете... Жада корову купил. Будет жить внизу, рядом с Василисиным курятником. А здесь, наверху, — сеновал.

— Врешь, — машинально сказала Валька.

— Ты, Голдина, глупая, как рыба, — сказал Вовка и поддернул штаны. — С тех пор как меня в пионеры приняли, я еще ни разу не врал, это все знают... Корова рыжая с пятнами. И теленок. Василиса и Феодосия разговаривали в огороде. Я их выслеживал, просто так, будто шпионов... Феодосия жаловалась, что ей работы прибавится.

— Это не Жадин двор, — заявил Цыпа. — Пусть он катится... Не его сарай.

— Ему домоуправша разрешила. Он его в эту самую взял... Ну, в эту... когда деньги платят.

— В аренду?

— Ага.

Вовка втиснулся на скамейку между Митькой и Серегой. В штабе, над которым нависла угроза вражеского вторжения, стало тихо. Приунывшие стрелки сидели тесной кучкой, и вечернее солнце, пробившись в щели, перепоясывало их оранжевыми шнурами. Пахло пылью, курятником и старой соломой. Не очень-то приятный запах, но он был привычным. Привычными и очень милыми были фанерные стены «шатра» с мишенями и портретами рыцарей. Подумать только, пять минут назад еще казалось, что все это надоело!

— Вытряхнут нас отсюда, — вздохнул Виталька.

— Не имеет права он, буржуй несчастный! — вскипел Цыпа.

— Будет он тебя спрашивать, — сказал Митька.

— Что делать? — спросила Валька.

— Подумаем, — сказал Серега. — Мало нам было Василисы! Еще один появился такой же...

— Я знаю, — сказал Вовка Шадрин и локтем энергично вытер нос. — Знаю, что делать.

— Я тоже, — сказал Павлик. — Мстить!

Василия Терентьевича Гжатова не любили все, кроме Василисы Тимофеевны. Взрослые поговаривали, что, работая завхозом, он главным образом заботится об одном хозяйстве — о своем.

Мальчишки, от которых он усердно оберегал свои яблони, прозвали его Жадой. Серегин отец с нехорошей усмешкой говорил:

— Д-домохозяйин...

Жил Василий Терентьевич в соседнем дворе. Дом у него был большой, с верандой, и сад приличный. Сад охраняла собака Джулька, но ребята приручили ее, чтоб не лаяла, и Жада ее повесил. Митьку потом долго грызла совесть.

Хозяйство вела двоюродная Жадина сестра со странным именем Феодосия — очень худая высокая тетка, всегда до самых глаз закутанная в платок или косынку. Говорила Феодосия медовым голосом, но по натуре своей была довольно вредная особа.

А еще был у Жады патефон. Красный, новый и громкоголосый. Жада добыл его этой весной. Майскими вечерами патефон ставили на веранде, и он бодро орал популярные песенки: «У меня такой характер», «Все хорошо, прекрасная маркиза», «Я — кукарача». Молодежи в доме не было, танцевать было некому, но патефон усердно выталкивал из жестяной утробы: «Танцуй танго. Мне так легко!» Василий Терентьевич пил на веранде чай с прошлогодним вареньем из мелких яблочек и культурно отдыхал.

Соседям эта музыка порядком надоедала, но связываться с Жадой они почему-то опасались...

В тот вечер, когда состоялось заседание штаба, Василий Терентьевич пришел в соседний двор, чтобы осмотреть будущую коровью резиденцию. Круглолицый, налитый здоровьем и хорошим настроением, он ласково поглядывал по сторонам и мелко ступал по траве тугими хромовыми полусапожками. Он ни с кем не хотел ссориться. И поэтому его очень огорчил рисунок, сделанный мелом на двери сарая.

Нарисовано было странное существо. Если бы Василий Терентьевич помнил древнегреческие мифы, он тут же решил бы, что зверь этот напоминает кентавра. Но не совсем. Кентавр, как известно, получеловек-полулошадь. А у этого существа туловище было коровье: худое, ребристое, с острым задом, поднятым хвостом и большим выменем. А человеческая часть — плечи и голова — весьма напоминала самого Василия Терентьевича. (Недаром Павлик два часа делал наброски, прежде чем украсил дверь портретом.)

Василий Терентьевич сокрушенно покачал головой в плоской полувоенной фуражечке и шагнул в сарай. Тут же раздался громкий шелест, и в полуоткрытую дверь с крепким стуком воткнулась белооперенная стрела. Она засела между ребрами «кентавра».

Жада высунул голову и увидел стрелу. Потом увидел намотанную на стрелу записку. Записку он развернул и прочитал. Там было одно слово: «Берегись». Жада аккуратно сложил бумажку и убрал в карман гимнастерки. Затем торжественно переломил стрелу. После этого он обвел взглядом все чердачные окна, заборы и кроны тополей. Погрозил пальцем в пространство и опять скрылся в сарае. Дверь за собой прикрыл полностью.

Вторая стрела пробила «кентавру» вымя.

— Дмитрий! — сказал отец за ужином. — Есть сведения, что ваша компания опять пиратничает в округе.

— Нет, папа, — честно сказал Митька. — Мы только «шпацирен унд баден», как говорит бар... то есть Адель Францевна. Гуляем и купаемся. Да еще Цыпин велосипед чиним. Вовка три раза камеру проколол, растяпа.

— И не стреляете?

— Ну стреляем немножко. По мишеням. А кому это мешает? Василисе?

Отец дотянулся до лежащего на подоконнике портфеля и, поглядывая на Митьку, извлек сложенный пополам лист.

Развернул и с выражением сказал:

— Заявление...

— Еще не легче, — сказала мама.

Лешка вынул нос из стакана с киселем и наострил уши.

С тем же выражением отец стал читать:

— «В городское НКВД... Действия хулиганствующих подростков угрожают даже самой моей жизни... При растущем народном благосостоянии мне не дается возможности внести свой вклад в дело расцвета благосостояния методом расширения розничной торговли путем продажи населению молочных продуктов рыночным методом...»

— Чего-чего?— сказал Митька.

— Откуда это?— испуганно спросила мама.

— В школу передали... Мало мне забот с экзаменами в десятых классах! Я еще, понимаете ли, должен превращаться в следователя! Андрей Алексеевич говорит: «Проконсультируйтесь у сына, он в стрелковых делах разбирается». Еще бы! Боюсь, что слишком хорошо разбирается!

— Да что случилось-то?— спросил Митька и подумал: «Неужели из-за «кентавра» такой шум?» И на всякий случай украдкой показал кулак Лешке, который кое-что знал.

— А ты не знаешь, что случилось? Не знаешь, кто из вас расстрелял у Феодосии бутылки с молоком?— недоверчиво спросил отец.

— Честное пионерское...— Митька даже привстал.— Ну что ты, папа! Из лука бутылку и не расшибешь, она скользкая, рикошетит. Да кто же такую глупость сделает? Ведь по стрелам сразу догадаются.

— Про стрелы здесь ничего не сказано,— слегка растерянно произнес отец.

— Ну вот видишь!

...А через полчаса Митька вышел во двор и крикнул:

— Вовка! А ну иди сюда!

Мысли работали безошибочно. Три дня назад чинили Цыпин велосипед: задняя камера из оранжевой резины была вся в дырах. Цыпа сказал: «Утиль»— и пошел за другой. Старую камеру Вовка Шадрин намотал на себя. Он изображал «борьбу с удавом», как в цирке. Потом вместе с «удавом» исчез. Оранжевая резина — самая лучшая для рогатки. Вовка — один во всей компании, кто за пятнадцать шагов навскидку расшибает из рогатки аптечный пузырек...

На втором этаже открылось окно, и курчавая Вовкина голова свесилась во двор.

— Чего?

— Иди, иди. Узнаешь чего.

Вовка не отпирался. Он и сам не прочь был рассказать о своем подвиге. А молчал до сих пор потому, что интуиция подсказывала ему: «Осторожность прежде всего. Похвастаться успеешь».

А подвиг был вот какой.

Ранним утром Вовка проник в сквер, который одной стороной примыкал к стадиону, а другой — к рынку. Все, кто жил на улице Герцена, ходили на рынок через этот сквер.

В сквере густо разрослась желтая акация. Она уже отцвела, и гроздьями висели молодые стручки. Попробовать бы: годятся ли на свистки? Но нельзя. Надо было скрываться и ждать.

А скрыться лучше всего было под нижними ветками кустов. Плохо только, что нижние — самые колючие. Ползти надо лицом вверх, на спине, тогда колючки все видны, их можно отодвинуть заранее. Но смотреть надо осторожно, вприщур: на лицо, на ресницы валится всякая тля и божьи коровки...

Вовка вполз под основание куста и перевернулся на живот. Стало хуже. Майки на спине уже не было, дыра на дыре. И туда стали садиться разбуженные утренние комары. Но Вовка лежал. Вытянул из кармана рогатку, почесал ею спину. Комары не улетали, однако стало легче.

И тут он увидел Феодосию...

Феодосии было тяжело. Она тащила четыре четверти молока — четыре трехлитровых бутылки. Две в мешке через плечо и две в руках. А под боком, прижав локтем, она несла завернутую в полотенце телячью лопатку (Жада заколол купленного вместе с коровой теленка).

Телятину надо было продать до жары: она уже нехорошо пахивала. Это Феодосия чувствовала и заранее полезла за пазуху, нащупывая рубль, который она даст фельдшеру санитарнадзора при входе на рынок.

Но чтобы найти рубль, ей пришлось опустить одну четверть на землю.

Вовка, разумеется, не знал, почему Феодосия вдруг затопталась на песчаной дорожке. Он просто обрадовался, увидев стоявшую бутылку. Неподвижная мишень — это удача.

И выстрелил по четверти маленькой граненой гайкой.

Трехлитровая посуда расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

Феодосия тихонько ойкнула. Осторожно поставила другую бутылку и для чего-то принялась изучать горлышко разбитой посуды.

Вовка ударил по второй четверти. Звон был, но не сильный. Феодосия села. В молоко. Потом, тихонько подвывая, принялась снимать с плеч мешок с двумя уцелевшими бутылками. Мимо шли люди, снисходительно сочувствовали, а кто-то обозвал Феодосию раззявой.

Вовка выжидал. Феодосия вдруг встала на четвереньки и завопила в полный голос:

— Люди добрые, грабят!..

За собственным воплем она не слышала, как лопнули в мешке последние две четверти. Вовка расстрелял их молниеносно.

Еще через полминуты Вовка проскочил в щель забора, отделяющего сквер от стадиона, и сразу стал подавать советы каким-то футболистам.

Митька выслушал эту историю с интересом, но без одобрения. Потом выслушали остальные. Валька грустным голосом сказала:

— Дурак... Надрать бы уши, тогда бы узнал.

Всего ожидал Вовка: могли восхищаться им как героем, могли устроить нахлобучку за то, что действовал без разрешения. Но такого пренебрежительного осуждения он не ждал.

— А ты... А ты...— поднялся он на Валентину.

Но Митька дернул его за штаны.

— Сиди, не дрыгайся.

Они были в штабе. Внизу уже прочно обосновалась Жадина корова, но сеновал еще пустовал и мальчишек пока не трогали. Но все знали: не долго им тут жить.

Может быть, эта неуверенность, может быть, усталость (набегались днем), а может быть, какое-то предчувствие делали ребят грустными и серьезными. Потому и не дождался Вовка ни скандала, ни крепкого нагоняя от ребят. Не та была обстановка. Они сидели в полумраке «шатра» и даже лиц почти не видели, только касались друг друга фолыми локтями.

— Вот выгоним из звена, будешь знать,— сказал Виталька.— Ты у нас итак незаконно. Да еще неприятности из-за тебя.

Вовка вздохнул. Он знал, что не выгонят. Да и говорил Виталька не сердито, а так, будто между прочим. Но все же Вовка огрызнулся:

— А сами... Тоже рисовали его по-всякому на заборах и стреляли...

— Дурак ты, Вова, — сказал Митька. — На голове густо, а внутри... Одно дело рисовать... Когда рисовали, мы этим показывали, какой он буржуй и кулак. Рисовать и в заборы стрелять никто не запретит. А сейчас вышло, что мы сами бандиты. А он, выходит, прав. Заявления пишет. Думаешь, не обидно?

— А почему в НКВД? — подал голос Цыпа. — Ну, царапал бы свои каракули для милиции. А то получается, будто мы шпионы или вредители. Враги народа.

— А Жада думает, что он как раз и есть народ, — сказала Валентина. — А мы его враги. Так и получается.

— Он — народ?! — подскочил Цыпа. — Помру от смеха! Народ — это кто на заводах работает и в колхозах трудится. И с фашистами дерется. В Испании.

Все деликатно помолчали, потому что знали недавнюю историю, как Цыпа собирался в Испанию.

— Ха! Вот бы Жаду послать драться с фашистами! — заговорил Вовка, стараясь заглазить вину. — Вот драпанул бы! А?

— Скорей всего, к ним бы сбежал, к фашистам, — сказал Цыпа.

— Не... — заспорил Вовка. — Не сбежал бы. Они бы его с нашими заставили воевать, а он ведь трус. Только собак вешать может.

И опять замолчали в сумраке. Сидели, привалившись друг к другу, и тихо дышали, как один человек.

Только Павлика не было.

Потом послышались шаги, и Виталька угадал:

— Павлик.

Белая рубашка Павлика замаячила в двери.

— Где был? — спросил Виталька.

— С папой приемник доделывали.

— Работает?

— Работает...

— Хорошо слышать?

— Хорошо... — тихо сказал Павлик. — Только... лучше бы уж плохо было слышно. А то включили, и сразу — бах! — новость: фашисты взяли Бильбао...

— Во гады! — сказал Цыпа.

— А еще... генерала Лукача убили.

— Врешь, — по привычке сказала Валентина, но больше никто ничего не сказал, потому что понимали: Павлик не врет.

Митька подвинулся на скамейке и тихо позвал Павлика:

— Садись.

Внизу, за забором, на Жадиной веранде весело заорал патефон:

Все хорошо, прекрасная маркиза!

Вовка Шадрин пошевелился и медленно сказал:

— Хлопну я из рогатки этот ящик с маркизой. С крыши его хорошо видать.

— Я тебе хлопну! — пригрозил Митька. — Молочный снайпер... Люди с фашистами воюют, а ему только бутылки да пластинки бить.

— Воюют... — сказал Вовка тихо и обиженно. — Я же не могу там воевать. Если бы пустили да винтовку дали...

Никто не засмеялся. Потому что каждый знал: если бы пустили и дали винтовку... Ну, а что, в самом деле, разве не вышли бы из них снайперы?

— Пустят тебя... — заметил Серега. — Они своих-то пацанов отсылают подальше от беды.

И сразу вспомнился им вокзал, люди, цветы, плакаты, деловитое бухание барабана и голоса труб, и шестеро темноволосых мальчишек, растерянно вышедших из тамбура на дощатый перрон. Обыкновенные пацаны, худенькие, тонконогие, некоторых можно одной рукой на лопатки уложить. Только загар потемнее, чем у здешних, вот и все. Даже не верилось, что эти ребята строили баррикады, а может быть, и стреляли по врагам. Потом автобус увез испанских мальчишек в дом отдыха Рыбкоопа, а наши ребята пошли бродить по улицам.

Надо было готовиться к экзамену по арифметике, но они ходили по разохшимся деревянным тротуарам, расстроенные и недовольные тем, как устроен мир. Там, на вокзале, их на секунду задела грозная жизнь Испании, а сейчас в заросших лебедой газонах мирно стрекотали кузнечики и тишина висела над городком. Зной раннего лета жарил мальчишкам плечи.

Они ходили, позабыв, что надо учить правила дейст-